

НЕДОПОЛУЧЕННЫЙ КУСОК ПИРОГА

Концерт в день рождения Святослава Рихтера

Независимая газ. - 1998 - 26 марта - С. 7

Екатерина Бирюкова

В ДЕНЬ, когда Святославу Рихтеру должно было исполниться 83 года, в центре внимания переполненного Большого зала консерватории оказались Наталья Гутман, Виктор Третьяков и Александр Рудин. Любимцы московской публики завершали цикл из трех концертов памяти великого пианиста (см. «НГ» от 17.03.98). В созвездии трех имен была одна нетрадиционная и от того запоминающаяся шероховатость — Александр Рудин, лучше всего реализующий себя на поприще виолончелиста и имеющий солидный опыт работы в качестве дирижера камерного оркестра, весь вечер простоял за пультом Большого симфонического оркестра имени Чайковского. Отчего один из трех лучших московских оркестров приобрел вид какого-то растерянного существа с неустойчивой психикой и неадекватными реакциями. То обиженная, всеми позабытая труба никак не догонит далеко ушедший вперед оркестр, то старательно начавший певучую мелодию гобой вдруг смутится, не найдя согласия с подхватившими конец его фразы коллегами, то оркестровое тутти по-военному рьяно прорежут флейта с литаврами, а то и весь оркестр подтянется, примет офицерскую осанку, наберет побольше воздуха и раздольно гаркнет — только что не «здравь..жела-а-а...», а заключительный аккорд.

Правда, присутствие столь неожиданного дирижера можно было прочитат как мемориальный жест, понятный, впрочем, только посвященным или хотя

бы освоившим популярно написанную монографию Софьи Хентовой о Ростроповиче. Оттуда, например, легко почерпнуть сведения о дирижерском дебюте Рихтера (таковой был), который пришлось на премьеру прокофьевской Симфонии-концерта в 1952 году (солировал тогда Ростропович — почти соавтор этого сочинения). Как раз Симфонию-концерт, хоть и в более поздней редакции, выбрала Наталья Гутман для второго отделения программы. Так была проведена параллель и обыграна ситуация знаменитой премьеры, после которой осталось известное воспоминание Рихтера: *«То, чего я больше всего боялся, не случилось: оркестр вступил вместе».*

Оркестр вступил вместе и на этот раз. Но оседлать норовистый концерт, партия солиста в котором выдает безжалостность автора и отвагу первого исполнителя, знаменитой виолончелистке было непросто. Неудач с двойными нотами избежать не удалось, хотя в какой-то степени их компенсировало привлекательное разнообразие виолончельного звука. Металлический, еле слышный шелест сменялся теплым, почти духовым тембром в среднем регистре, и даже невозмутимый, угнетающе-виртуозный «чес» во время сольных каденций завораживал, как работа чудесного механизма. Концерту был обеспечен фирменный мужской напор, форма держалась, финал, закончившийся прелестным в своей небрежности росчерком виолончели, состоялся.

В первом отделении значились два брамсовских сочинения — хрестоматийно-студенческий, но оттого не менее трудный и прекрасный Скрипич-

ный концерт и нехрестоматийная, цитирующая темы студенческих песен «Академическая увертюра». Их причастность к имени Рихтера выяснить не удалось, но она и не нужна была вовсе, если бы взамен было предложено что-нибудь увлекательное. Но, увы, слушая Виктора Третьякова, оставалось вспоминать его великолепное исполнение годичной давности — того же концерта с тем же оркестром. Почему-то на этот раз количество непроговоренных пассажей и неуверенных верхов превысило допустимые пределы. А главное, вместо упоения, восторженности и всех тех замечательных чувств, которые обычно вызывает брамсовский концерт, зачем-то слышалась ярость, в ответственные минуты переходящая в отчаяние.

Конечно, сотрудничество музыкантов такого ранга по определению не может кончатся чем-либо меньшим, чем новой галочкой в списке наиболее значительных событий музыкальной жизни Москвы. К сожалению, составной частью удовольствий, помеченных такой галочкой, нередко являются сочувственные вздохи по поводу технических погрешностей, неизбежность которых почему-то никого не удивляет, а характерной приметой — царящее на сцене мастеровитое равнодушие, которое, однако, никто не рискнет назвать отсутствием вдохновения. Приходя, вы примерно знаете, что вас ждет. Уходя, подавляете в себе чувство человека, недополучившего кусок праздничного пирога, что, правда, избавляет вас от перегруженности желудка и гарантирует здоровый сон. Проснувшись, забываете о прошедшем вечере. ■